

Дарья Московская

От Союза Советских Республик к Союзу советских писателей:

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ КОЛЛИЗИИ ПРОИЗВОДСТВА
ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1920—1930-х ГОДОВ¹

Darya Moskovskaya

From the Union of Soviet Republics to the Union of Soviet Writers:
The Institutional Collisions of the Production of Proletarian Literature in 1920—30s

Дарья Московская (ИМЛИ РАН, заведующая отделом рукописей; доктор филологических наук) d.moskovskaya@bk.ru.

Darya Moskovskaya (Dr. habil.; Head of the Manuscript Department, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences) d.moskovskaya@bk.ru.

Ключевые слова: пролетарская литература, национальная литература, советский писатель, массовый писатель, пролетарский писатель, попутчики, финансовый рынок, символический капитал, групповщина, автономия литературного поля

Key words: proletarian literature, national literature, Soviet writer, mass writer, proletarian writer, fellow writers, financial market, symbolic capital, groupism, autonomy of literary field

УДК: 316.7+821.161.1+930
DOI: 10.53953/08696365_2024_190_6_131

UDC: 316.7+821.161.1+930
DOI: 10.53953/08696365_2024_190_6_131

Образование Союза советских писателей произошло спустя двенадцать лет после создания Союза Советских Республик, что было обусловлено не прекратившейся в годы нэпа и первой пятилетки классовой борьбой в поле культуры. Победивший класс оставался культурно неразвитым и не мог претендовать на гегемонию в литературном процессе. Попытка объединения социально разных писательских групп пришлось на 1927 год, когда была образована Федерация объединений советских писателей. Начиная с 1924 года по 1928 год Всероссийская ассоциация также пытается объединить пролетарские республиканские ассоциации под своей эгидой. И хотя формально в 1928 году ее усилия увенчались успехом и была создана Всесоюзная ассоциация, этот результат не был нужен ЦК. Причины такой незаинтересованности коренятся в запросе на новую гетерономность литературного поля, появившуюся в годы первой пятилетки, достижение которой стало возможно после роспуска всех литературных группировок и создания в 1934 году по указке партии Союза советских писателей.

The formation of the Union of Soviet Writers took place twelve years after the Union of Soviet Republics, which was due to the class struggle in the field of culture that had not ceased during the years of the NEP and the first Five Year Plan. The victorious class remained culturally underdeveloped and could not lay claim to hegemony in the literary process. An attempt to unite the socially diverse writer's groups was made in 1927, when the Federation of Soviet Writers' Associations was formed. From 1924 to 1928, the All-Russian Association attempted to unite proletarian republican associations under its aegis. Although formally these efforts succeeded in 1928 and the All-Union Association was established, this result was not needed by the Central Committee. The reasons for this lack of interest were rooted in the demand for a new heteronomy of the literary field, which emerged during the years of the first Five Year Plan, the achievement of which became possible after the dissolution of all literary groupings and the creation, at the behest of the Party, of the Union of Soviet Writers in 1934.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 20-18-00394 «“Стенограмма”: Политика и литература. Цифровой архив литературных организаций 1920—1930-х гг.».

Введение

Образование Союза советских писателей произошло спустя двенадцать лет после создания Союза Советских Республик. Причиной тому была не прекратившаяся после революции и только обострившаяся в период нэпа борьба в поле культуры. Пролетариат, низвергнув политическую власть «эксплуаторских классов» — дворянства и буржуазии, остался культурно придавленным, лишенным необходимой образовательной базы и творческих навыков для осуществления гегемонии как в руководстве государством, так и в литературно-художественном процессе. На многие советские десятилетия врагами «трудящихся масс» в запросе на интеллектуальную деятельность и художественное творчество оставались так называемые попутчики — интеллигенция с ее унаследованным благодаря воспитанию и классическому образованию правом на культуру. Незалеченный революцией раскол между двумя важнейшими для строительства социализма социальными слоями, один из которых представлял «производительные силы» страны, другой являлся ее интеллектуальной «надстройкой», был источником постоянного беспокойства для ЦК ВКП(б) и его генерального секретаря Сталина, отвлеченного от непосредственного руководства культурой фракционной внутрипартийной борьбой. Расширение Советской республики в 1922 году после вхождения в нее вновь образованных Закавказской федерации, Украины и Белоруссии лишь усложнило культурную политику, внося в организацию единого советского культурного пространства новые проблемы, связанные с межнациональными различиями и непреодоленной внутриреспубликанской классовой рознью.

Попытка внешнего, инициированного Отделом печати ЦК объединения социально и национально разных писательских групп пришла на 1927 год, когда была создана Федерация объединений советских писателей (ФОСП). С 1924 по 1928 год Всероссийская ассоциация пролетарских писателей (ВАПП), со своей стороны, также берет за объединение национальных писательских сил, руководствуясь наднациональным классовым лозунгом пролетарской культуры. И хотя формально в 1928 году эти усилия увенчались успехом и было создано Всесоюзное объединение ассоциаций пролетарских писателей (ВОАПП), результат этих усилий не был востребован ЦК: в политических стратегиях пролетарских писательских союзов сохранялась и культивировалась классовая автономия литературного поля, преодолеть которую было необходимо. Это и было сделано после роспуска всех литературных группировок и создания в 1934 году управляемого напрямую из Политбюро Союза советских писателей.

Столь долгое становление писательского «СССР» — предмет историко-литературного знания в той его области, которая рассматривает литературный процесс как продукт социальных, культурных, экономических и политических обстоятельств.

Коллизия первая, обнаруживающая неактуальность общесоюзной советской культуры в условиях, когда победивший класс остался «культурно придавленным»

Уже в 1913 году В.Л. Львов-Рогачевский приветствовал выдвижение пролетариатом *собственной* стойкой, сильной *интеллигенции*, которая «вышла из массы, а не пришла в массу»². Пророчествуя, он видел в предреволюционном явлении неказистой поэзии и публицистики писателей-самоучек не гибель культуры, а ее «новую черту». В 1919 году во взрыве «творческих сил среди тех, которых называли “низами”», Рогачевский прозревал подлинно *исторический поворот*³. Социалистическая революция подтвердила его догадки: будущее рабоче-крестьянской власти в конечном счете определял культурный уровень трудовых классов. Пролетарские литературные объединения, вобравшие в себя «широкие массы культурно растущих слоев рабочего класса и крестьянства»⁴, а с ними комсомольских и партийных функционеров, отвечали духу переходного времени, когда победивший класс требовал на деле обеспечить свое «право на культуру». Борьба за осуществление гегемонии пролетарской культуры (ибо, как утверждал в мае 1924 года Ю. Либединский, «до сих пор мы писали и пишем на чужом языке»⁵) с новым способом культурного производства, разрушающего «ценности и дискурсы, привычки и пространство повседневности» и утверждающего «новые способы осмысления, привычки и жизненные формы» [Джеймисон 2014: 58], — одна из ключевых коллизий, образовавших цепочки связей и разрывов, схождения и развилки, которые, с одной стороны, неумолимо вели к объединению всех социальных слоев страны в *советской* культуре, с другой — препятствовали этому единению.

Набросав в 1923 году в предисловии к «Литературе и революции»⁶ схему современной литературы, Л. Троцкий представил ее в виде двух течений: 1) обреченной на гибель внеоктябрьской, дворянско-буржуазной литературы и 2) «*советской*», демонстрирующей творчество «перелицовывающей себя соответственно новой социальной обстановке» мелкобуржуазной интеллигенции — «попутчиков революции». Пролетарской литературе в этой схеме места не нашлось. Идеолог перманентной революции отводил пролетариату роль разрушителя политических и идеологических структур уходящего строя и строителя экономического базиса для культурной надстройки бесклассовой будущей: «Для искусства нужно довольство, нужен избыток, — пояснял он. — Нужно, чтобы жарче горели доменные печи, шибче вращались колеса, бойчее двигались челноки, лучше работали школы»⁷. И потому Троцкий игнорировал факт существования литературы пролетариата как класса, тем более что в первые годы нэпа она действительно — особенно проза — еще очень слабо о себе

2 Львов-Рогачевский В.Л. Снова накануне. М.: Кн-во писателей в Москве, 1913. С. 162.

3 Львов-Рогачевский В.Л. Поэзия новой России: Поэты полей и городских окраин. М.: Кн-во писателей в Москве, 1919. С. 5.

4 [От редакции] // На литературном посту. 1928. № 2. С. 2.

5 Отдел рукописей Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (ОР ИМЛИ). Ф. 155. Ед. хр. 3. Л. 1.

6 Троцкий Л.Д. Литература и революция. 1923 год // <https://knigogid.ru/books/910495-literatura-i-revoluciya/toread> (дата обращения: 20.05.2022).

7 Там же.

заявляла. В это время на литературной арене блистали писатели, начавшие публиковаться до революции, в большинстве своем выходцы из слоев интеллигенции. 5 февраля 1920 года был учрежден Всероссийский союз писателей (ВСП) во главе с Абрамом Эфросом, собравший в своем правлении М. Гершензона, Г. Шпета, Н. Бердяева, Ю. Балтрушайтиса, заявили о себе аполитичные «Серапионовы братья»; в обеих столицах свободно издавались сменовеховские литературно-художественные журналы. Что касается пролетарской литературы, то в эти годы она изживала свое пролеткультовское прошлое. Новый этап в ее истории был ознаменован образованием осенью 1922 года комсомольских пролетарских групп «Молодая гвардия» и «Октябрь». В 1924 году ими был обновлен ВАПП, потерявший свою пассионарность в 1922 году и готовый раствориться в попутчиках. В недрах ВАПП был выношен первый журнал марксистской критики «На посту», целиком посвященный борьбе за гегемонию пролетарской литературы на литературном фронте. «Напостовству» предстояло окончательно освободить проект пролетлитературы от организационной и идеологической бесформенности, провозгласить классовый сепаратизм и нонконформизм, которые все годы существования будут определять лицо ассоциации как частной корпорации, предложившей себя на службу партии.

В отличие от всех других литературных институций, включая ЛЕФ и конструктивистов, творческая программа пролетарских институций интерпретировала литературное творчество в его связях с классовой идеологией, с идеей массовости, интерпретируемой как коллективизм: «Смело в “Кузнице” куем / Нашу волю, мысли, чувства: / Пролетарское искусство / Коллективно создаем»⁸, — писал Н. Дегтярев в 1920 году. Эта программа определила «генетический код» ВАППа:

Мы объединяемся и строим вместе нашу организацию потому, что мы считаем себя пролетарскими писателями. Мы исходим из общественно-идеологической установки писателя. <...> ...мы знаем, что, имея дело с новым классовым содержанием, мы получим и новую форму и новый подход к художественной литературе⁹.

Однако в первые годы нэпа появление новых, собственно пролетарских художественных форм было маловероятно: на рынке литературного производства победивший класс, выработав «себе великолепное идеологическое оружие политической борьбы», оставался «культурно придавленным», без навыков творческой деятельности, без «своей особой художественной формы, своего стиля», — как констатировала в 1925 году Резолюция ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы»¹⁰. В то же время «культурная придавленность» класса-победителя открывала Всероссийской ассоциации перспективу представить себя в роли единственного воспитателя и просветителя трудящихся СССР¹¹. Массовые и многонациональные ВАПП (в 1924 году

8 Дегтярев Н. Кузнецы // Кузница. 1920. № 1. С. 8.

9 Авербах Л. Творческие пути пролетарской литературы // На литературном посту. 1927. № 10. С. 9.

10 Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВ о культурной политике. 1917—1953. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. С. 53—54.

11 Подробнее см.: [Московская и др. 2022].

ВАПП включал Латышскую, Армянскую, Азербайджанскую секции¹²; тогда как Белорусская и Всеукраинская АПП существовали автономно от ВАПП) и Московская ассоциация (МАПП) составили яркий контраст «Перевалу», попутническому ВСП и даже «Кругу». МАПП целиком состоял из рабкоровских и юнкоровских литературных кружков, образованных в том числе на национальных территориях РСФСР. Члены этих кружков, рабочие от станков, участвовали в конференциях ВАПП с правом решающего голоса.

Между тем глава попутчиков Воронский также взял курс на культуртрегерство — расширение своего влияния среди пролетарского писательского молодняка. «Перевал» переманил к себе талантливых Артема Веселого, Алексея Костерина и других и добился немалых успехов: журнал «Красная новь» и издания писательской артели «Круг» пользовались спросом. Генеральный секретарь ВАПП Л. Авербах утверждал, что «Перевал» как «группа» был создан «Воронским для борьбы с ВАППом»¹³. В этом была немалая доля правды. В мае 1922 года решением Оргбюро ЦК Воронский был назначен заместителем Н. Мещерякова — руководителя политотдела Государственного издательства и председателя редколлегии последнего, в ведении которого оказалась гражданская цензура: иначе говоря, в руках Воронского сосредоточились значительные материальные, идеологические и властные ресурсы. Усиление Воронского не способствовало поддержке массового непрофессионального пролетарского писателя. Как свидетельствовал Родов:

В <19>22 г. ... ни один литературно-художественный журнал Москвы, а вы знаете, что отсюда начинается борьба, не оставался без непосредственного руководства Воронского или без его контролирующего влияния. Контролирующие организации были в руках Воронского, и он направлял эти журналы и издательства <...>... у ВАППа было абсолютное отсутствие средств¹⁴.

Творчество кружковцев-рабселькоров не интересовало издателей и не привлекало читателей, вследствие чего ВАПП был более чем склонен к грубому «заушанию» своих противников, что прочно закрепилось в его литературных практиках. Родов вспоминал, как шла борьба за первый пролетарский журнал марксистской критики в 1923 году:

После конференции (Первой Московской конференции пролетписателей, прошедшей в мае 1923 года. — Д.М.) Б<убнов> нас вызывает и предлагает мне и Лелевичу: «Постарайтесь договориться с Воронским». Я должен сказать, что ни я, ни Лелевич, ни Безыменский Воронского тогда еще не знали. И вот мы отвечаем: «Пожалуйста». Мы договорились с Вардиным — он еще не знал об этой борьбе, а он был заведующим подотделом Печати ЦК РКП. Приглашаем на небольшое заседание Воронского. Был там Авербах, редактор в «Молодой гвардии». Лелевич берет слово и заявляет, что ему предложено договориться о делах. Воронский прочитал тезисы, положил на стол и заявил: «Нет, пока я редактор “Красной нови”,

12 В Белоруссии и Украине существовали автономные пролетарские секции.

13 ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 131. Л. 10.

14 ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 46. Л. 10—11. Здесь и далее при цитировании архивных документов применяются нормы современной пунктуации и орфографии, исправляются стилистические ошибки, многие из которых связаны с описками машинисток или стенографисток.

до тех пор этого не будет». И на этом разговор был окончен. <...> И вот начинается эпоха «На посту»¹⁵.

Статистика отдела печати ЦК РКП(б) показывает, что к 1925 году в РСФСР насчитывалось 970 частных и государственных издательств, издававших в первую очередь иностранную литературу, на которую приходилось 38% изданий, затем русскую классику — 13% изданий и попутчиков — 36,5% изданий. Крестьянская и пролетарская литература довольствовалась всего 12% от общей массы книг¹⁶. В издательском отношении она была изгоем. Как свидетельствовал А. Серафимович: «Нам не давали печататься, и тогда мы шли с рукописями на заводы... и завоевали рабочего читателя»¹⁷. Появление в этих обстоятельствах «На посту» было действительно переломным моментом на литературном фронте. Политредактором журнала по направлению ЦК трудился заведующий подотделом печати отдела агитации и пропаганды РКП(б) и один из организаторов ВАПП И. Вардин, что служило отчасти «охранной грамотой» идеологическим активностям ВАПП. Тем не менее не решенный в пользу ВАПП финансово-организационный вопрос оставался частью болезненной проблемы политического веса ассоциации, коррелирующей с ключевой для ВАПП задачей перевода культурной революции с условно эстетических позиций на рельсы идеологической борьбы с буржуазно-интеллигентским инакомыслием и последующим привлечением внимания ЦК к отвергнутому Лениным и Троцким проекту пролетарской культуры.

Таким образом, в первые годы нэпа, когда главной задачей государства было сплочение просоветски настроенных сил для восстановления народного хозяйства и ликвидации безграмотности, когда объединение писателей сменеховской ориентации рассматривалось как помощь партии в агитационно-пропагандистской работе среди выжидающих интеллигентов как внутри страны, так и за рубежом, литература превратилась в арену раздора между ВАПП и попутчиками, наследниками культурных традиций прошлого, что обеспечивало последним доминирование в социальном поле, то есть там, где политические и властные полномочия формально были закреплены за представителями необразованной трудовой массы.

Коллизия вторая, вызванная тем, что организационная активность ВАПП не обеспечивалась поддержкой ЦК

Чтобы нейтрализовать высокую символическую и рыночную стоимость писательского профессионализма и вести независимую издательскую политику, ВАПП была жизненно необходима отчетливо артикулированная поддержка политического центра. Ее не было в мае 1924 года, на который пришлось обновление ВАПП: на заседании фракции РКП и комсомола пленума Правления ВАПП представитель Отдела печати ЦК РКП заявил, «что Отдел печати снимает с себя всякую ответственность за решения Пленума» как не согласованные с ЦК¹⁸.

15 ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 46. Л. 8—9.

16 ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 48. Л. 26.

17 ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 46. Л. 21.

18 ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 3. Л. 2.

Не было этой поддержки и год спустя на январском Всесоюзном совещании (конференции) пролетарских писателей в 1925 году, хотя на совещании в ЦК 9 мая 1924 года давление «напостовцев» носило неприкрыто агрессивный характер¹⁹. Закономерно, что вопрос об отношении ЦК к литературному курсу ВАПП волновал собравшихся, и Вардину пришлось выступить с комментарием:

Как обстоит с этим вопросом в ЦК? В ЦК в этом вопросе не разобрались, но все должно было подсказать вам, кому сочувствует ЦК. Конечно, все сочувствие ЦК на нашей стороне. Но официально ЦК еще сторону свою формально не выявляет. Я уже указал на неоднократные факты, которые говорили о том, что в ЦК имеется в этом отношении линия менее благоприятная для Воронского и более благоприятная для нас. <...> Так что вы не поддавайтесь действиям отдельным шептунов и смотрите на то, какую линию фактически ведет представитель Отдела печати тов. Нарбут на нашей конференции²⁰.

Однако на деле отношение ЦК и Политбюро к ВАПП оставалось непроясненным на протяжении всех 1920-х годов. Это объяснялось, как считает К. Аймермахер, прагматическим подходом: партия не только жестко боролась с политическим противником, но также искала союзников среди интеллигентов, поддерживая тех из них, кто был настроен доброжелательно [Аймермахер 1998: 63]²¹. Институционализация такого явления, как писатель-интеллигент сменовеховской ориентации, симпатизант советской большевистской России, была неизбежна, что подтверждает появление в 1921 году первого толстого *советского* журнала «Красная новь», который, как справедливо пишет Р. Магуайр, был открыт «для благожелательных, но целенаправленных коммунистических указаний» [Магуайр 2004: 53]. Утверждение в 1922 году на заседании Агитпропа *беспартийного* Общества писателей и поэтов — писательской артели «Круг» — обеспечивало, по словам Воронского, возможность «сплочения близко стоящих к нам писателей» и перспективу в условиях свободной торговли «повести идейную борьбу на книжном рынке» [Поливанов 1993: 5].

В политико-экономических обстоятельствах нэпа «пролетарам» (самоназвание пролетарских писателей) нужно было занять командные высоты в коммуникации с читателем, расположить его к себе. Для этого, как рекомендовал на указанном совещании представитель подотдела печати ЦК Вл. Нарбут, «прежде всего нужно овладеть всеми существующими издательствами в области художественной литературы», внедрив в редакции «своих людей», таких, например, как Ф. Раскольников, Д. Бедный, Д. Фурманов, Ф. Жига и др.: количественный перевес пролетарских критиков обеспечит продвижение на книжном рынке пролетарской продукции и обратит гонорарную политику издательств в пользу вапповского творчества. Как сообщил Нарбут, обычная цена за лист колебалась от 70 до 100 руб., но «40 рублей — это нищенская плата», и «я тут слышу (речь идет о записках из зала. — Д.М.), говорят — 15 руб. <...> Попучикам в Госиздате платят много: так, Бабелю — 250 р. за лист, Сейфул-

19 От редакции [Белая Г.А.] «О политике партии в художественной литературе». Материалы совещания в ЦК РКП(б) 9 мая 1924 года // Вопросы литературы. 1990. № 3. С. 154–187.

20 ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 49. Л. 11.

21 С другой стороны, нэповские новобуржуазные интеллектуальные издания сильно обеспокоили власть, и она перешла к решительным контрдействиям.

линой — 250 р. за лист, Маяковскому — 2 руб. за строку (в то время как обычная плата — 50 коп.), а Маяковский пишет, как читает — за строку считает слово»²².

Докладные записки в Отдел печати ЦК с политическими доносами на попутчиков стали одним из ведущих жанров коммуникации ВАПП с политической властью страны. В 1926 году в очередной докладной секретарь комфракции Б. Горбатов жаловался:

В литературной критике процветает все что угодно, кроме четкой ортодоксально-марксистской идеологической линии. В то же время такие факты, как одинаковое финансирование Совнаркомом ВАППа и «Круга», подрывают у нас убежденность в важности нашей работы. ВАППу, имеющему организации во всех губерниях и на всех крупных предприятиях Союза, дается столько же денег, сколько и «Кругу», издательству тех групп писателей, которые и без того по большей части могут найти издателей²³.

Двойственность позиции ЦК сохранялась и после триумфального открытия под эгидой ВАПП уже упомянутого Всесоюзного совещания (конференции) ассоциаций в январе 1925 года, на который прибыли делегаты со всего СССР и были представлены «все направления, все течения пролетарской литературы и все объединения всех национальностей, населяющих СССР»²⁴. Эта двойственность явила себя в определении идеологических промахов Воронского, которое предложил Сталин, курировавший в те годы Отдел печати ЦК, на встрече с делегацией ВАПП 2 февраля 1925 года: Воронский, дескать, не водит попутчиков, а лишь «водим» ими²⁵.

Дело в том, что пролеткультовское прошлое ВАПП было отмечено политической неблагонадежностью. Пролеткульт был санкционирован профсоюзами, требовавшими права на участие в решении политических и государственных вопросов. Первая Всероссийская конференция пролетарских культурно-просветительных организаций в 1918 году поставила вопрос о *боевом союзе* пролетписателей, ибо пролетарская культура мыслилась ими как «новая самостоятельная форма борьбы пролетариата с буржуазией»²⁶. Наркомат просвещения, по мнению участников конференции, не мог решить задач культурного строительства в стране победившего пролетариата, так как он «обслуживает все население, все слои государства»²⁷, и потому проведение им или с его помощью «строго классово-экономической точки зрения сталкивается с затруднениями»²⁸. Унаследованное от пролеткультов на генетическом уровне стремление получить эксклюзивное право на обслуживание культурных интересов трудящихся масс стало определяющим в отношениях руководства ВАПП как с Наркомпросом, так и с ЦК. В 1924 году на майском Пленуме правления ВАПП пролеткультовский по духу тезис, что «партия не может уже в дальнейшем курировать вопросы художественной литературы, поскольку эти вопросы сложны, новы и не разрабо-

22 ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 48. Л. 52.

23 ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 129. Л. 6.

24 ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 38. Л. 1.

25 ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 74. Л. 2—3.

26 Протоколы Первой Всероссийской конференции пролетарских культурно-просветительных организаций, 15—20 сентября 1918 года / Под ред. П.И. Лебедева-Полянского. М.: Пролетарская культура, [1918]. С. 6.

27 Там же. С. 27.

28 Там же. С. 28.

таны», повторит с мягкими оговорками Вардин²⁹: ВАПП осторожно, но последовательно отодвигал партию от руководства культурным строительством.

После подавления в феврале — марте 1926 года на пятой конференции МАПП и Чрезвычайной всесоюзной конференции ВАПП крайне левого, заупастьельского напостовского крыла, обвиненного в участии в «новой оппозиции», обновленное бюро комфракции ВАПП рассудительно искало поддержку не в Наркомпросе, где нашел себе пристанище разбитый Пролеткульт, а в Отделе печати ЦК. В очередной докладной записке в адрес Отдела печати партийная верхушка ВАПП предлагала себя в качестве исполнительного коллегиального органа ЦК — комиссии, определив для себя фронт работ по идеологическому цензурированию литературной продукции и предполагая охватить ею художественную литературу, выходящую в государственных, в том числе партийно-советских, и в частных, в том числе эмигрантских, издательствах. Не ограничиваясь книгоизданием, она хотела включить в круг идеологического надзора также всю газетную и журнальную периодику от Москвы до Тифлиса, поставить на контроль текущие библиографические обзоры, литературные хроники и даже литературоведческие штудии. Одним словом, ВАПП видел себя единственным оператором всесоюзного литературного процесса. Одновременно он требовал от Отдела печати для себя особого отношения — функционеры ВАПП бдительно охраняли институциональные границы: «Мы говорили, что будем срабатываться с Отделом печати ЦК. Но нужно суметь нас заставить идти на согласие. Должны быть уступки и с той, и с другой стороны»³⁰.

Таким образом, организационная активность и политическая самостоятельность, которой отличался разгромленный Лениным Пролеткульт и наследовавший ему ВАПП, скорее диктовавший свои условия Отделу печати ЦК и манипулировавший им, чем выполнявший его указания, не увеличивали шансы пролетарской ассоциации стать организатором и руководителем всесоюзного литературного процесса.

Коллизия третья, вызванная конкуренцией на книжном рынке, мешающей созданию разносословной многонациональной советской литературы

Известное суждение о том, что изгибы и повороты литературной борьбы 1920—1930-х годов повторяли виляющую в борьбе с оппозицией «генеральную линию» партии, можно уточнить соображениями институционального самосохранения: изгибы и повороты были следствием острой конкуренции на рынке литературного производства. Зигзагоподобные «маркетинговые» ходы ВАПП от альянсов с ЛЕФОМ и Литературным центром конструктивистов против Воронежского до попыток автономизации поля пролетарской литературы с отказом от федерирования, сменившихся чрезвычайной активностью по созданию ФОСП, объясняются ясным пониманием, что в условиях рыночной экономики главным признаком гегемонии на литературном фронте может быть только читаемость произведения («главенствующее влияние на читательскую массу»),

29 ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 54. Л. 7—8.

30 Там же. Ед. хр. 125. Л. 39.

«преобладающий спрос» и проч.)³¹, обеспечить которую в конкуренции с профессиональными писателями ВАПП не мог: по справедливому замечанию Э. Брауна, «попутчики по своему образованию, общей культуре и художественным достижениям намного превосходили борющихся пролетариев (пасынков культуры)» [Grown 1953: 49]. Одержать победу над законными ее наследниками можно было лишь политико-идеологическим оружием.

Инициатива создания ФОСП исходила от ВАПП, поддержанного Отделом печати, и была ответом на Резолюцию ЦК РКП(б) 1925 года «О политике партии в области художественной литературы», призывавшую к объединению на советской платформе основных писательских союзов. Организационно-оформительский этап занял период с 10 декабря 1926-го по 21 ноября 1927-го, юбилейного для советской власти года, когда состоялось торжественное открытие ФОСП. Одновременно совершилось другое важное событие — съезд «друзей России», зарубежных революционных писателей, которые собрались 15 ноября тоже в Москве на Первой Международной конференции пролетарских и революционных писателей (МОРП). Главным достижением конференции МОРП было установленное ею «организационное начало»: связь МОРП с ФОСП и курирование ФОСП МОРП через учреждаемые журналы «Вестник иностранной литературы» (1928—1930) и «Литература мировой революции» (1931—1932 годы), которые должны были работать в «глубоком контакте с ФОСП». Эти два торжественных форума, следовавшие один за другим с интервалом в шесть дней, манифестировали наступление желаемого партией нового этапа в советском литературном процессе, суть которого состояла в преодолении социальной классовой розни между интеллигенцией и пролетарями, в том числе и в сфере международного и межнационального взаимодействия. Эти установки и ожидания нашли отражение в речи наркома просвещения А. Луначарского на торжественном открытии ФОСП:

...нельзя отрицать того, что наша литература довольно разнолика. <...> Это не может не определять собой, говоря даже с чисто теоретико-социологической точки зрения, разные тенденции, линии, которые идут в несколько различные стороны. <...> ...у нас есть писательские группы, выросшие в других условиях и отражающие в некоторой степени предыдущую эпоху... если это неизбежно, то и неплохо. <...> ...было бы плохо, если бы при наличии в стране различных прослоек в литературе получилась бы монотонность, ибо это значит, что какая-то прослойка осуждена на молчание. <...> ...литература должна отражать в рамках этой общей симпатии к социалистическому строительству весьма различные оттенки. <...> Это делается само собой и не должно нас пугать. Но положение вещей может идти в разные стороны, если не к большему единству, то к большей сплоченности...³²

Иначе смысл федерирования виделся комфракции ВАПП. За год до официального открытия ФОСП она предложила Отделу печати собственное видение организационного устройства и политических оснований единства федерации:

Нужно сделать ударение на том, что работа по созданию из ФСП *подлинного центра всей советской литературы* имеет своей предпосылкой еще большую

31 Авербах Л. Культурная революция и современная литература // На литературном посту. 1928. № 13—14. С. 8.

32 ОР ИМЛИ. Ф. 51. Ед. хр. 3. Л. 5—6.

организационную и *политическую крепость организаций пролетписателей* (курсив мой. — Д. М.). В данное время сообразно этому правление ВАПП проводит проработку платформы по всем ассоциациям пролетписателей. <...> Мы должны заявить отделу печати ЦК, что, как правило, в большинстве нацреспублик далеко не всегда уделяется должное внимание пролетписательским организациям, что практика на местах далеко не всегда приведена в соответствие с резолюцией ЦК (речь идет о Резолюции 1925 года, интерпретированной ВАППом в свою пользу. — Д. М.). Подчеркивая необходимость сугубой осторожности в литературной политике в нацреспубликах, специально учитывая особенно трудную обстановку, мы принуждены, однако, констатировать, что именно в нацреспубликах следует обратить внимание на то, что резолюция ЦК не положена там в основу работы. Особенно угрожающее положение создается в настоящее время в Закавказье и на Украине. В Армянской ССР существует АПП, организационно входящая в ВАПП и являющаяся самой сильной литературной организацией в Армении, как в творческом отношении, так и в смысле связи с армянскими рабочими массами. Однако целый ряд ответственных работников настаивает на том, чтобы эту организацию слить с организацией попутчиков «Ноябрь», и когда наши товарищи против этого хотят протестовать в печати, им не дают возможности этого сделать. Еще худшее положение мы видим в Грузии, где при попустительстве закавказских воронских создается единая «внеклассовая» организация писателей и где ассоциацию пролетарских писателей Грузии хотят превратить в придаток реакционнейшей феодально-буржуазной грузинской литературы. На Украине распалась, хотя организационно и программно с ними не связанная, но массовая и сильная организация «Гарт», причем верхушка этой организации, проникнутая националистическими предрассудками, кроме связи с украинской внутренней и внешней эмигрантщиной, прикрывалась именами некоторых влиятельных украинских коммунистов, очевидно неправильно разобравшихся в вопросе, противопоставила себя массовому пролетлитературному движению Украины, создав ВАПЛИТЕ (Вольная академия пролетарской литературы). Идеологическую вредность этой группировки можно в любой момент иллюстрировать материалами ее полемических работ. Мы считаем, что ЦК должен поставить перед ЦК национальных республик вопрос об организационных выводах из резолюции ЦК от 1 июля³³.

В заключение автор записки убеждал ЦК передать ВАППу как «по-большевистски настроенной массовой пролетлитературной организации» право проводить в ФОСП «политику руководства и обработки попутчиков»; просил также дать указание «всем т.т. коммунистам, руководящим органами советской печати, пересмотреть линию в духе резолюции ЦК на недопустимость травли нашей пролетарской организации»; «специально разработать вопрос о литполитике нацреспублик, для чего созвать совещание по вопросу о нацлитературах»; «немедленно же указать отделам печати Закавказья и Украины на необходимость... поддержки пролетписателей и их организаций»³⁴.

Итак, несмотря на следующий из резолюции «О политике партии в области художественной литературы» и озвученный Луначарским призыв к объединению всех писателей страны Советов с сохранением социальных и нацио-

33 Речь идет о Резолюции ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 года, которая была опубликована в «Правде» и «Известиях» 1 июля 1925 года, см.: ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 129. Л. 3—4.

34 Там же. Л. 8.

нальных отличий при общей симпатии к социализму, ВАПП мыслил ФОСП как объединение *пролетарских сил* всех национальных республик, руководство над которым взяло бы на себя политическое ядро пролетарской ассоциации. Стратегические планы ВАПП были для всех очевидны: документы показывают, что ленинградские попутчики из ВСП, первыми выступившие с поддержкой идеи Федерации, отныне были против вступления в ФОСП³⁵.

Образование ФОСП было уже не первой с момента образования СССР иницизированной ЦК и осуществляемой его Агитпропом попыткой создания единой разносторонней многонациональной советской литературы.

Первым опытом такого рода была уже упомянутая артель писателей «Круг».

Мысль, что «Круг» был прообразом ФОСП, принадлежит редакции журнала «На литературном посту», писавшего в 1928 году:

Первоначально на «Круг» были возложены примерно те же задачи, которые сейчас осуществляет... Федерация. «Круг» должен был... объединить советских писателей и... обеспечить связь их с пролетарской общественностью. Однако, вследствие крайне правой позиции Воронского, Федерация, по существу говоря, возникла в противовес «Кругу», для того чтобы, учтя ошибки воронщины, *по-новому объединить советских писателей* (курсив мой. — Д. М.)³⁶.

Изучивший историю артели К. Поливанов нашел другую аналогию. По его мнению, в «Круге» были «сформулированы те принципы руководства литературой и литераторами, которые спустя десять лет легли в основу организации одного из монструозных порождений большевистского режима — Союза советских писателей» [Поливанов 1993: 5]. Той же точки зрения придерживался Б. Фрезинский, писавший, что усилия «литературных вождей» по объединению преданных советскому режиму писателей то под эгидой ВСП, то путем создания нового беспартийного Общества развития русской культуры или «Круга» представляли «вариант организации тотального контроля в литературной сфере, причем административная природа и незакамуфлированная конкретность этих предложений поневоле обращают память к соответствующим страницам Замятина и Орвелла» [Фрезинский 2008: 77].

И все же выстроенные таким образом цепочки уподоблений «Круга» — ФОСП и «Круга» — Союзу писателей СССР требуют разобраться в отличиях этих одинаково инструментальных литературных институций. «Круг» объединял в артель (цех, трест) лояльных советской власти и партии (но беспартийных) писателей-одиночек, пренебрегших своей институциональной принадлежностью, — особенность, для которой нашел точное определение Ю. Либединский: «“Круг” был сборным месивом из обломков всех групп»³⁷; в то время как в ФОСП слились мощные и независимые в финансовом отношении литературные организации с продуманными эстетическими программами, способные вести независимую политику и остро ставившие вопрос о принципах федерирования *как вопрос о своих правах и свободах*. Вот почему подготовительный этап создания ФОСП занял год, с 10 декабря 1926 года, когда начались собрания представителей организаций-учредителей с обсуждением устава и регламента Федерации, по 21 ноября 1927 года, когда наконец состоялось тор-

35 См.: ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 135. Л. 37.

36 Передовая // На литературном посту. 1928. № 11—12. С. 1.

37 Либединский Ю. К вопросу о личности художника // На посту. 1924. № 1. С. 69.

жественное ее открытие. Все это время продолжалась болезненная дискуссия об организационных принципах будущего объединения. Подобная атмосфера не могла обеспечить ни единства литературных потоков, ни управления ими, если такую цель действительно хотел реализовать ЦК, занятый в то время внутренними политическими разборками, или пытался осуществить, согласно своему функционалу, Отдел печати.

ФОСП не был похож на «Круг» в силу своей федеративной природы, не был он и прообразом Союза советских писателей, так как не стал *прямым* инструментом партии в управлении литературой. Код поведения Федерации в поле культуры определялся Постановлением ЦК от 23 августа 1926 года «О работе советских органов, ведающих вопросами печати», предписавшим Отделу печати проводить партийные директивы через комфракции издательств и писательских союзов. 4 марта 1927 года была создана комфракция ФОСП во главе с секретарем ВАПП А. Фадеевым, даже после разгона Ассоциации в 1932 году декларировавшим верность своей литературной, а не партийной группировке³⁸. Заседания комфракции ФОСП, где верховодил ВАПП, стали площадками, на которых отныне оформлялись идейно-политические задачи и литературные практики Федерации, весомость которых подкреплялась 57-й статьей Уголовного кодекса РСФСР о «контрреволюционном действии». Дело Пильняка-Замятина позволило ВАПП от имени ФОСП потребовать проведения совещания в Отделе печати и чистки рядов ВСП: «Разрушать ВСП не имеет смысла. Нужно изменить его, — считал Авербах, — дискредитируя нынешнее руководство, привлекая к этому левых попутчиков и сплачивая их вокруг себя»³⁹. Решением комфракции ФОСП старое руководство ВСП 5 сентября 1929 года было расформировано, а сама организация переименована, став ВССП, Всероссийским союзом советских писателей. Дело Пильняка-Замятина и проверка Ленинградского отделения ФОСП позволила комфракции поставить вопрос об отмене права «вето» организаций-учредителей, упростить структуру ФОСП, заменить Президиум Совета Федерации на Исполбюро и приступить к обслуживанию органов ФОСП.

Таким образом, в годы нэпа вместо ожидаемого Наркомпросом и поддерживаемого Отделом печати ЦК федеративного союза советских писателей, где главным органом управления являлся бы Совет представителей равноправных членов, ВАПП навязал ФОСП структуру партийного типа, где идеологическое, а с ним и организационное руководство осуществляла комфракция, возглавляемая представителями ВАПП.

Коллизия четвертая. Между демократическим централизмом и федеративностью

Вопрос о создании многонационального писательского объединения встал впервые в 1925 году на январском Всесоюзном совещании (конференции) пролетарских ассоциаций. Тогда организационно-идеологическое основание для

38 Ср. слова Фадеева: «Я... старый рапповский волк, и меня видели в литературных драках, и я эту линию провожу и буду проводить неуклонно» (ОР ИМЛИ. Ф. 41. Ед. хр. 14. Л. 28).

39 ОР ИМЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 2.

объединения было сформулировано представителем Отдела печати Вл. Нарбутом, который отметил, что предыдущий период был

периодом кружковым, периодом собирания пролетарских писателей. Сейчас мы после нашего всесоюзного совещания обращаемся в массовую организацию, в массовую и самостоятельную организацию *пролетарских писателей СССР* (курсив наш. — Д. М.). Раньше работа была проделана, так сказать, вчерне. Подводя итоги, получаем базу, получаем тот стержень, вокруг которого в дальнейшем будет вращаться вся работа художественной пролетарской литературы⁴⁰.

И все же на Всесоюзном совещании 1925 года при наличии поддержки Отдела печати ЦК попытка объединения национальных литератур под знаком «пролетарскости» и под эгидой Всероссийской ассоциации не удалась: национальные различия оказались сильнее классового принципа. Представитель украинского «Гарта» и белорусского «Маладняка» не приняли ВАПП в качестве руководящего центра:

<ВАПП> решил, что он может назвать себя всесоюзной организацией, он решил, что он может созвать всесоюзное совещание, он решил, что он может не считаться с «Гартом», с белорусской организацией, с такими организациями, которые представляют из себя пролетарскую литературу, но не в русской, а в украинской и белорусской форме. Мы в этом видим также еще не скрытые старые тенденции великодержавные. ВАПП решил созвать съезд — и кончено дело.

<...> Если будет организован «Всесоюзный центр пролетарских объединений», то получится старый Пролеткульт, который себя не оправдал и который только будет мешать в работе отдельным республиканским ассоциациям, что будет отражаться на развитии пролетарской культуры в национальных формах, и поэтому мы против единого центра. <...> Какая-то организация, несомненно, должна быть, я не буду говорить о форме ее сейчас, но думаю, что какая-то связь между ассоциациями отдельных республик должна быть. <...> ...но это не будет единой организацией, центральным комитетом. На это... мы не пойдем⁴¹.

Совещание, в открытой борьбе и с использованием различных подтасовок объявленное ВАПП *конференцией*, с тем чтобы придать легитимность результатам голосования, так и не привело к объединению всесоюзных пролетарских сил. Родов констатировал:

Всесоюзная конференция наметила лишь общие организационные контуры, лишь общие рамки, в которые нужно вложить конкретное содержание. Конференция дала нам основные директивы, от которых мы не можем отступать, но нам необходимо считаться с целым рядом особенностей — национальных, местных и проч.⁴²

Вопрос о принципах объединения сильных и независимых писательских союзов оказался по-новому важен в 1927 году, после создания ФОСП, когда на май-

40 ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 39. Л. 19.

41 ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 38. Л. 3. Из выступления одного из украинских делегатов: «Товарищ Лелевич, если вы не хотите быть великодержавным шовинистом, вы не имеете права бросать нам “петлюровцы” (Шум в зале). <...> Тут похлопывание по плечу — разве это отношение... разве это не ликвидация всякой самостоятельности?» (Там же).

42 Родов С. Организационные вопросы пролетарской литературы // На посту. 1925. № 1. Стб. 95.

ском Пленуме Ассоциации встал вопрос о тактике национальной политики ВАПП. Свою задачу в год 10-летия советской власти ВАПП сформулировал как обеспечение гегемонии пролетарской литературы на всесоюзном фронте и вновь выдвинул себя в качестве главного организатора процесса. Обсуждение тогда вылилось в острую дискуссию по вопросу об организационном строении ассоциации.

Авербахом был жестко отвергнут предложенный рядом делегатов от нацреспублик *федеративный* принцип, предполагающий союз, куда наряду с Грузией, Украиной, Белоруссией ВАПП входит на правах одного из федерирующихся членов. Генеральный секретарь требовал для ВАПП управляющих директивных функций: «ВАПП — пролетарская организация и в большей степени направлена на единство, а не к федерализму»⁴³. Довод украинской делегации, что для национальных культур политическим куратором являются местные партийные комитеты, подчиняющиеся ЦК, оказался неразрешимой проблемой⁴⁴.

ВАПП попытался вновь решить задачу объединения национальных республиканских пролетарских литератур в 1928 году при создании ВОАПП — Всесоюзного объединения ассоциаций пролетарских писателей. Это произошло 30 апреля — 8 мая 1928 года в Москве на Всесоюзном съезде пролетарских писателей, собравшем представителей 30 национальностей из созданных ВАПП за эти годы национальных ячеек.

Дискуссия о принципах объединения протекала в двух основных руслах. Первое — сохранение приоритета пролетарской классовой литературы над литературой дворянско-буржуазной (националистической), социально чуждой, для чего требовалась кардинальная переработка культурного наследия прошлого. Сославшись на речь Ленина на XI съезде партии, где тот предупреждал, что завоеватель может оказаться завоеванным культурно более развитым побежденным, Авербах призывал, строя социализм и развертывая пролетарскую культуру, «помнить о тех опасностях перерождения, на которые указывал Ленин»⁴⁵.

Вторым направлением дискуссии стал вопрос о принципах объединения ВАПП с республиканскими пролетарскими ассоциациями. Здесь также возникло несколько затруднений. Одно состояло в том, что ожидаемая резолюция Съезда о содействии развитию пролетарской литературы народов СССР может войти в противоречие с руководящими директивами собственного национального партийного органа, например Пленума ЦК Украины, и с постановлением

43 ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 199. Л. 178.

44 Заметим здесь, что, несмотря на сопротивление республиканских ассоциаций, ВАПП не отказался от притязаний на всесоюзную гегемонию и в 1925 году подготовил проект своего устава уже как всесоюзной ассоциации, строящейся на большевистском принципе демократического централизма. С 1925 по 1928 год этот проект курсировал между различными властными инстанциями, от правлений республиканских ассоциаций пролетарских писателей до Отдела печати ЦК и СНК СССР, проходя различные этапы обсуждения, и 4 февраля 1928 года, то есть за три месяца до роспуска ВАПП, был в конце концов утвержден заместителем председателя СНК СССР А. Цурюпой. См.: ОР ИМЛИ. Ф. 50. Ед. хр. 38. Л. 1. Несмотря на то что историками советской литературы ВАПП традиционно расшифровывается как *Всероссийская* ассоциация пролетарских писателей, в стенограммах ВАПП 1925—1927 годов постоянно фигурирует самоназвание *Всесоюзная* ассоциация пролетарских писателей.

45 Авербах Л. Культурная революция и современная литература. С. 3.

республиканского Политбюро по вопросам литературной политики, где может быть признано право национальных литератур (в частности, украинской) иметь «свои пути развития», «развиваться самостоятельно при братском единении с литературами других народов». Из этого противоречия закономерно следовала еще одна проблема, озвученная украинской делегацией: «ВАПП не может рассматривать себя как единая организация в том смысле, что он должен влить в себя все пролетарские литературы народов СССР, как он сделал это в отношении народов Сев<ерного> Кавказа, Закавказья, Белоруссии и литературы других народов»⁴⁶. И наконец, претензии ВАПП заставили украинских делегатов вспомнить недавнее имперское прошлое страны:

Дело в том, что в украинских условиях, благодаря прошлым великодержавным тенденциям, которые были у Родова, Валайтиса, и благодаря историческому развитию Украины как колониальной страны... у нас среди интеллигенции, даже пролетарской, усвоилось недоверие ко всем центростремительным тенденциям, и очень глубокое. Поэтому я думаю, у нас может быть только Федерация. <...> Мы предлагаем Федерацию. <...> Предлагаю сначала установить Федерацию советской литературы, внутри каждой республики, потом федерировать советскую литературу всех республик. Сейчас Украина рассматривает федерацию как поглощение ВАППом⁴⁷.

С критикой идеи федерации национальных пролетарских литератур выступил Вл. Киршон, обратившись к актуальному опыту ФОСП:

У нас, как известно, есть Федерация советских писателей. Почему она имеет смысл? Зачем она нужна? Почему федерация, а не единая организация? Да потому что в ней различные классовые течения. Тут и некоторые попутчики, и буржуазные писатели, входящие в Союз писателей (то есть в попутнический ВСП. — *Д.М.*), и крестьянские писатели, то есть различные классовые прослойки. Нужна ли нам Федерация различных организаций, хотя бы работающих в других областях, но стоящих на той же классовой платформе? Нет, не нужна. Украинцы говорят, что в тех условиях, какие имеются на Украине, украинская общественность, интеллигенция отшатнется от такой организации, потому что, говорят украинцы, вы не заинтересуетесь вопросами украинской национальной культуры, а под руководством русской культуры ведете в ущерб национальным задачам свою линию. Вот мотивировка украинцев. <...> Если создать специфическую национальную организацию, не входящую во всесоюзную организацию, она может привести к тому, что в нашей организации не будет достаточно классово четко выдержанной линии и что не вполне желательные элементы могут участвовать в нашей работе⁴⁸.

Единственным выходом, как представлялось Киршону (в прошлом секретарю пролетарской ассоциации Ростова-на-Дону, теперь секретарю ВАПП), было выделение «в отдельную организацию Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП. — *Д.М.*), затем Закавказской, Белорусской, Украинской. Но чтобы был единый орган, который представлял бы собою единую по классовому принципу организованную всесоюзную ассоциацию писателей»⁴⁹.

46 ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 278. Л. 1.

47 Там же. Л. 5.

48 Там же. Л. 2—3.

49 Там же. Л. 3.

Таким образом, появление Российской ассоциации возвращало России статус всего лишь одной из национальных республик и решало проблему объединения национальных республиканских литератур — решало, однако, не в пользу ВАПП, инициированного некогда именно РСФСР. Всероссийская ассоциация прекращала свое существование и вынуждена была формально отказать от попыток возглавить всесоюзную ассоциацию:

ВАПП создает специальную российскую организацию РАПП, и из федеративных частей республик — доминирующих — создается центральный орган, следящий за литературой народов, помогающий, а не руководящий, помогающий проводить единую линию всесоюзной ассоциации пролетарских писателей. Вот так мы хотели бы избежать столкновения и хотели бы построить систему Наркомпроса, а не партийного руководства. Если бы мы так построили — это облегчило бы положение Украины и улучшило бы ВАПП, и действительно построило бы крепкую авторитетную организацию⁵⁰.

Новый виток дискуссии обнаружил старую проблему незнания того, насколько инициативы ВАПП пользуются безусловной поддержкой ЦК. Еще в начале заседания был озвучен тезис Дмитрия Горбова, прозвучавший на страницах последнего выпуска газеты «Известия», что ВАПП является общественным течением, осужденным партией, что вызвало необходимость доказывать обратное.

Дискуссия о формах объединения, в ходе которой были противопоставлены «система Наркомпроса» (при которой «из федерирующихся частей доминирующих республик создается центральный орган, следящий за литературой всех народов») и принцип демократического централизма (обеспечивающего, в отличие от федерации, подчинение местных руководящих органов центральному руководящему органу, а именно ВАПП⁵¹), потребовала вмешательства заместителя наркома Рабкринна СССР А. Криницкого, присутствовавшего на съезде. Он был вынужден взять на себя установление контакта с ЦК Украины для выяснения его точки зрения на инициативы ВАПП, так как «дело организации пролетарской литературы... это дело партии, и поскольку вопрос сложный, то он грозит взрывом внутри ВАППа»⁵².

Создание ВОАПП было одобрено ЦК по результатам рассмотрения докладной записки заведующего Отделом печати от 7 мая 1928 года:

Вместо ВАПП — Всесоюзной <sic!> ассоциации пролетарских писателей — теперь будет существовать ВОАПП — Всесоюзное объединение ассоциаций пролетарских писателей, куда вошли украинцы, и «Кузница», и ассоциации других союзных республик. Таким образом, сделан значительный шаг вперед в деле объединения всех пролетарских писателей⁵³.

Через день, 8 мая, на заседании бюро комфракции Авербах констатировал создание Российской ассоциации писателей с самостоятельным правлением и организацию Всесоюзного объединения ассоциаций пролетарских писателей.

50 Там же. Л. 9.

51 Там же. Л. 9.

52 Там же. Л. 18.

53 «Счастье литературы»: Государство и писатели. 1925—1938 гг. Документы / Сост. Д.Л. Бабиченко. М.: РОССПЭН, 1997. С. 55.

Таким образом, стремление ВАПП сохранить за собой основанный на большевистском партийном принципе демократического централизма контроль над национальными ассоциациями обнаружило значимое отсутствие у ассоциации подлинного культурного авторитета и полноты реальной политической власти, которой в тот момент обладали республиканские ЦК. Несмотря на оптимистическое заявление Отдела печати о «значительном шаге в деле объединения» национальных пролетарских литератур, ВОАПП существовал недолго и почти номинально, оставив по себе скудные плоды творческой активности и обильную бюрократическую документацию⁵⁴.

Коллизия пятая, вызванная тем, что производство пролетарской литературы не отвечало новой политико-экономической эпохе

Как писал П. Бурдьё, поле производства культуры в каждый момент своей истории представляет собой поле борьбы между двумя принципами иерархизации: гетерономным, который благоприятствует тем, кто экономически и политически доминирует в поле, и автономным — для ищущих «избранничества». ВАПП, всячески подчеркивавший свою связь с Отделом печати ЦК, ставящий в литературную повестку обслуживание актуальных задач социалистического строительства, парадоксальным образом был склонен к автономии в стремлении навязать «свои законы и установить санкции всему ансамблю производителей культурной продукции»⁵⁵. Создание Всесоюзного объединения советских писателей противоречило этому изоляционизму, этой автономии, и стало формой социального самоубийства ВАПП.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 года констатировало, что за прошедшее десятилетие партия создала условия для вытеснения из литературы и искусства «чуждых элементов, особенно оживившихся в первые годы нэпа», когда «кадры пролетарской литературы были еще слабы», и что ЦК всемерно помог «созданию и укреплению особых пролетарских организаций в области литературы». Однако сейчас, когда успели вырасти кадры пролетарской литературы и искусства, когда выдвинулись новые писатели и художники с заводов, фабрик, колхозов, «рамки существующих пролетарских литературно-художественных организаций (ВОАПП, РАПП, РАМП и др.) становятся уже узкими и тормозят серьезный размах художественного творчества»⁵⁶. Решением ЦК пролетарские ассоциации, и с ними все остальные писательские объединения, включая ФОСП, были распущены. На повестку дня встал вопрос создания оргкомитета, которому было поручено созвать первый всесоюзный съезд

54 См.: ОР ИМЛИ. Ф. 50. Ед. хр. 341 (1929—1934 гг.).

55 Бурдьё П. Поле литературы // URL: http://bourdieu.name/content/pole-literatury#_edn7 (дата обращения: 20.05.2022). Вспомним характерное «комчанство» ВАППа, его презрение к «массовой бульварной» литературе и педалирование своего культурного «сиротства», требующего принципиального обновления художественных средств и содержания литературного творчества: «революцию в литературе» ВАПП ждал только «от рабочего».

56 Власть и художественная интеллигенция. С. 172.

писателей на свободных от групповщины основаниях. Оргкомитет составлялся от имени соответствующих литературных организаций. До созыва съезда ему поручалось руководство всеми существующими организациями писателей, а также и всей сетью созданных ВАПП кружков. Деятельность вновь созданного Оргкомитета СП СССР, включившего членов бывшего РАПП, завершилась Первым съездом советских писателей 17 августа — 1 сентября 1934 года, где одним из главных вопросов, наряду с обсуждением метода социалистического реализма, был вопрос о создании многонациональной советской литературы.

Таким образом, все попытки *организации* советской литературы в 1920-е годы были обречены на провал. Такие инструментальные по своей природе институты, как «Круг», ФОСП или ВОАПП, родились преждевременно, недоношенными, «искусственно выведенными» укрепляющим свои позиции Отделом печати, равнодушным к литературным боям генеральным секретарем партии Сталиным и активностью финансового рынка, подтачивавшего перспективы директивного управления литературой.

История ФОСП и ВОАПП неразделима с историей конкурентной борьбы ВАПП за свою долю в символическом капитале, аккумулируемом новой советской культурой. Определенный успех, которого добился на этом пути ВАПП, действительно сумевший деинституционализировать вошедшие в ФОСП организации и создавший не отмеченный никакой яркой практической активностью ВОАПП, не был нужен ЦК. Причины такой незаинтересованности коренятся в запросе на новую гетерономность⁵⁷ всего литературного поля, появившуюся в годы первой пятилетки, которую констатировала правовая комиссия ФОСП на заседании, посвященном вопросу авторского права 30 марта 1930 года:

Нас питал Нэп. Нэп умер. Умер фактически контрагент, который мог питать. Кто контрагент у автора? — государство. Частных авторских издательств нет. Следовательно, контрагентом является государство... это основание для того, чтобы перейти <с ним> на трудовые отношения⁵⁸.

Однако литературные практики исчезнувшего с литературной арены в апреле 1932 года ВАПП оставили заметный след в истории советской литературы.

Союз писателей унаследовал из опыта ВАПП:

- социальный заказ, или «запланированную литературу», обеспеченную гарантированным потребителем: школами, библиотеками, рабочими кружками;
- установку на массового читателя, прежде всего школьника и студента, с развитым институтом детской и юношеской литературы;
- настороженное отношение к классическому наследию, требующее института литературной критики и культуры идеологического комментирования;
- национальную политику, отвечающую идеологическим установкам и одновременно способствующую появлению новых национальных писательских кадров;
- организационное строение, повторявшее структуру ВОАПП;
- необходимость собственных изданий, собственного издательства, собственного вуза для выращивания новых кадров писателей и литературоведов;

57 Ср.: «Гетерономия порождает спрос, который может принять форму персонального заказа, сформулированного “патроном”» (Там же).

58 ОР ИМЛИ. Ф. 51. Ед. хр. 103. Л. 17.

сохранение и поддержку с этой целью «низового писателя» в литературных кружках при заводах и фабриках;

— настроенное отношение к писательскому «таланту» и «кабинетному творчеству», к автономии литературного производства в целом.

* * *

Специфику той или иной национальной культуры определяют именно абстрактные формы. Они-то и выполняют функцию отличительного знака той или иной культуры. <...> ...каждая нация продуцирует свое собственное определение культуры, предложенное ее писателями и историками [Эспань 2018: 53].

На протяжении первого советского десятилетия пролеткритика никогда не отказывалась от попыток «продуцирования определения культуры» Страны Советов как культуры пролетарской, трудовой, массовой, от усилий выработать общепролетарский литературный канон, что, однако, было доверено не «профессорам» от литературоведения, допущенным в журнал «На литературном посту» или Комакадемию, от Плеханова до Переверзева, от Луначарского до Плетнева, от Фриче до Берковского, а «верхушке» руководства ВАПП/РАПП. Это были теньевые, но обладавшие в тот момент перформативной институциональной мощью стратегии литературной политики, когда властью вапшовского авторитета тот или иной писатель мог быть зачислен в пролетарские классики, а другому было в этом отказано, и та или иная национальная форма литературы могла быть объявлена пролетарской, а другая — быть отвергнутой как дворянско-буржуазная, патриархальная или попутническая.

Дискуссионная площадка созданного после постановления ЦК о роспуске литературных группировок Оргкомитета Союза советских писателей обеспечила условия для разбора результатов десятилетней борьбы ВАПП за общепролетарский литературный канон. Новыми операторами литературной политики стали председатель Оргкомитета журналист И. Гронский и секретарь Оргкомитета профессор Комакадемии В. Кирпотин, впервые в практике литературоведческих дискуссий цитировавшие для подтверждения своих суждений классиков марксизма. Отсылки к Марксу и Энгельсу, которыми полны их речи конца 1932 года, представляют руководителей Оргкомитета привилегированными знатоками элитарных научных текстов, благодаря которым они получили право широкого и обобщенного толкования литературных процессов.

На площадке Оргкомитета впервые формируется представление об образцовом для нового советского общества писателе, писателе-классике мирового масштаба — Максиме Горьком:

У нас... не всегда умели даже в пролетарском литературном движении ставить вопрос об усвоении опыта художественности творчества Горького для развития нашей дальнейшей литературы. <...> Горький первый в нашей пролетарской литературе показал... выход... на светлый простор социалистического правопорядка. <...> Наша художественная литература во главе с Горьким... покажет, как растет и складывается новая жизнь на социалистических началах...⁵⁹

Благодаря Горькому советская литература освободилась от навязанного ВАПП «культурного сиротства» и национального «рассеяния» рабоче-крестьянской литературы. Культура СССР наконец определилась со своей «идентичностью». Исторический разрыв с культурным прошлым был заполнен, построен мост, соединивший классическое *мировое* (то есть *наднациональное*) наследие с общесоветским настоящим. Отказавшись от попыток кодификации пролетарской литературы как литературы социалистического общества, оргкомитет приступил к разработке теории социалистического реализма как методологического основания будущего пантеона советской классики.

Таким образом, в 1934 году «другой» институт с прямым, без посредников, типом отношений литератора и работодателя, был создан в виде гомогенного массового Союза советских писателей СССР, направляемого непосредственно Политбюро. Вместе с ВАПП исчезли из исторической памяти ФОСП и ВОАПП, «генетический код» которых принадлежал рыночной эпохе нэпа. Однако созданные ВАПП и отработанные им литературные практики и организационный опыт успешно хабиитуализировались и послужили Союзу писателей СССР «унаследованным настоящим» [Веблен 2021: 213] — долговечной матрицей для институционального развития.

Библиография / References

- [Аймермахер 1998] — Аймермахер К. Политика и культура при Ленине и Сталине, 1917—1932. М.: АИРО-XX, 1998.
- (Eimermacher K. Die sowjetische Literaturpolitik, 1917—1932. Von der Vielfalt zur Bolschewisierung der russischen Literatur. Moscow, 1998. — In Russ.)
- [Веблен 2021] — Веблен Т. Теория праздного класса. М.: АСТ, 2021.
- (Veblen T. The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions. Moscow, 2021. — In Russ.)
- [Джеймисон 2014] — Джеймисон Ф. Марксизм и интерпретация культуры. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014.
- (Jameson F. Marksizm i interpretatsiya kul'tury. Moscow; Ekaterinburg, 2014.)
- [Магуайр 2004] — Магуайр Р.А. Красная новь: Советская литература в 1920-х гг. СПб.: Академический проект, 2004.
- (Maguire R.A. Red Virgin Soil: Soviet Literature in the 1920's. Saint Petersburg, 2004. — In Russ.)
- [Московская 2022] — Московская Д.С., Романова О.В., Бахшаева Н.Ю. Массовость и «массовизация» в раннесоветском литературном процессе // Studia Litterarum. 2022. Т. 7. № 4. С. 10—33.
- (Moskovskaya D.S., Romanova O.V., Bakshaeva N.Yu. Massovost' i "massovizatsiya" v rannesovetskom literaturnom protsesse // Studia Litterarum. 2022. Vol. 7. No. 4. P. 10—33.)
- [Поливанов 1993] — Поливанов К.М. К истории «артели» писателей «Круг» // De Visu. 1993. № 10 (11). С. 5—15.
- (Polivanov K.M. K istorii "arteli" pisateley "Krug" // De Visu. 1993. No. 10 (11). P. 5—15.)
- [Фрезинский 2008] — Фрезинский Б.Я. Писатели и советские вожди: Избранные сюжеты 1919—1960 годов. М.: Эллис Лак, 2008.
- (Frezinskij B.Ya. Pisateli i sovetskie vozhd: Izbrannye syuzhety 1919—1960 godov. Moscow, 2008.)
- [Эспань 2018] — Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
- (Espagne M. Istoriya tsivilizatsiy kak kul'turnyy transfer. Moscow, 2018.)
- [Brown 1953] — Brown E.J. The Proletarian Episode in Russian Literature, 1928—1932. New York: Columbia University Press, 1953.